

М. М. МАКОВСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ»
ЛЕКСИКИ

1

Термины «интернациональная лексика», «интернационализмы» и т. п. широко распространены в современной лингвистике. Между тем ни границы этих терминов, ни их место в сфере языковых заимствований до сих пор не получили удовлетворительного определения. Серьезные сомнения вызывает и правомерность их существования вообще.

Число специальных исследований, посвященных рассматриваемому вопросу, к сожалению, невелико. Большинство исследователей считает, что «интернационализмы» выделяются на основе их фонетического, семантического и графического сходства в разных языках; по традиции «интернационализмы» определяются как лексические единицы, представляющие собой фонетические и морфологические варианты слов или морфем, распространившиеся из одного первоисточника в неродственные языки и имеющие в этих языках сходную семантику и графику. Именно такой точки зрения придерживаются, например, А. А. Белецкий, В. Фрид, О. Б. Шахрай, Р. Ваврих¹. Разногласия существуют лишь по одному вопросу: в скольких неродственных языках должно встречаться данное слово, чтобы его можно было назвать «интернационализмом». По мнению А. А. Белецкого и В. В. Акуленко, число таких языков должно равняться трем, по мнению В. Фрида, не менее чем двум («мировым» языкам (*jazyku světové*); согласно А. Фринте, речь должна идти о всех «культурных» языках². Наконец, О. Б. Шахрай весьма осторожно указывает, что слова, которые можно отнести к «интернационализмам», должны встречаться в «ряде» языков.

Уже простое сопоставление указанных определений вскрывает их абсолютную произвольность. К этому надо добавить, что названные исследователи не принимают во внимание неодинаковые возможности и результаты проникновения одних и тех же слов в неродственные языки различных семей (например, из французского в китайский, арабский и финский) и в неблизкородственные языки одной семьи (например, проник-

¹ См.: А. А. Белецкий, Об интернационализмах, «Наук. зап. Київськ. ун-ту», т. XIV, вып. II («Сб. філол. фак-ту», № 8), 1955; V. Fried, *Mezinárodní slova, jejich shoda a úskalí*, «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXVIII, číslo 4—5, 1956; О. Б. Шахрай, К вопросу о смысловых взаимоотношениях интернациональных слов в разных языках, «Ин. яз. в шк.», 1955, № 1; R. Vavřich, *O mezinárodních slovech, příspěvek k metodice výkladu lexikální látky*, «Methodické rozhledy», Praha, 1955, listopad — prosinec.

Определение, несколько отличное от традиционного, содержится в появившейся недавно статье В. В. Акуленко: «... интернациональными словами являются сходные до степени узнаваемости в орфографическом или фонологическом отношении слова с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и существующие не менее чем в трех синхронически сопоставляемых языках» [см. В. В. Акуленко, Об интернациональных словах в современном русском языке, «Уч. зап. Харківськ. ун-ту», т. XCIX («Труди філол. фак-ту», т. 6), 1958, стр. 99]. Критические замечания об этом определении см. ниже.

² См. A. Frinta, *Neologismy v hojnolužické sibiřtině po roce 1945*, «Славянская филология. Сб. статей», I, М., 1958, стр. 219.

новение французских слов в различные индоевропейские языки). Правда, В. Фрид говорит о необходимости того, чтобы интернационализмы входили в языки, принадлежащие к разным семьям (*jazyku patřící k různým jazykovým rodinám*), но сам в своей статье оперирует примерами, взятыми только из индоевропейских языков (в основном английского, французского, немецкого и чешского).

О. Есперсен, много занимавшийся проблемами интерлингвистики, считал единственным критерием интернациональности слова не количество языков, в которых оно встречается, а количество людей, которые используют это слово³. Такой односторонний подход к исследуемому вопросу открывает широкие возможности для различных недоразумений (ср., например, возможность заимствования иностранных слов лишь одним из таких языков, как русский, китайский, английский, на которых говорит большая часть человечества, при отсутствии этих слов в других языках, что, конечно, не может служить основанием для того, чтобы считать эти слова интернациональными).

2

С лексикологической точки зрения так называемые «интернационализмы» суть заимствования. Различие между «интернационализмами» и заимствованиями заключается лишь в способе их рассматривания. При исследовании заимствованных слов в каком-либо одном определенном языке, т. е., образно выражаясь, при анализе «по вертикали», мы имеем дело с собственно заимствованиями в данном языке⁴⁻⁵. Если же целью исследования является установление связи между заимствованиями, обнаруживаемыми одновременно в разных языках, т. е. если анализ ведется в «горизонтальном» плане, то перед нами так называемые «интернациональные» слова. Отметим, что этот последний термин в том виде, в каком он употребляется в настоящее время, нельзя признать научным, ибо он не может служить адекватным обозначением подразумеваемого явления. Говоря о так называемых «интернационализмах», исследователи фактически имеют в виду распространение тех или иных слов лишь в пяти так называемых «мировых» языках: английском, немецком, французском, испанском, итальянском. Вопреки логике и языковым фактам, такие слова продолжают именовать «интернационализмами». Но главное, конечно, не в термине, а в существе дела. Необходимо, наконец, попытаться выяснить, действительно ли существуют такие лексические единицы, которые мы с полным правом могли бы назвать «интернационализмами»⁶. В случае наличия таких единиц надо дать точное описание их особенностей и границ, а в случае отсутствия — отказаться от термина «интернациона-

³ См. O. Jespersen, *Papers in international language*, London, 1921, стр. 11.

⁴⁻⁵ По вопросу о заимствованиях назовем следующие наиболее интересные в теоретическом отношении работы: L. De ro y, *L'emprunt linguistique*, Paris, 1956; E. Haugen, *The analysis of linguistic borrowing*, «Language», vol. 26, № 2, 1950, стр. 210—231; H. Sköld, *Lehnwörterstudien*, Lund — Leipzig, 1923; E. Lewy, *Zu den Lehnworten und zur Sprachgeographie*, «Anthropos», Bd. XLV, Hf. 1—3, 1950, стр. 49—56; Chr. Möller, *Zur Methodik der Fremdwortkunde*, Aarhus, 1933; M. Niedermann, *L'interpénétration des langues*, «Scientia», vol. LXXXIII, ser. VI, 1948, стр. 223—228; vol. LXXXIV, ser. VI, 1949, стр. 19—27; E. Öhman, *Zu Frage nach der Ursache der Entlehnung von Wörtern*, «Mémoires de la Société néo-philologique de Helsingfors», vol. 7, 1924; E. Richter, *Fremdwortkunde*, Leipzig, 1919; J. A. Sheard, *The words we use*, New York, 1954; H. Vogt, *Language contacts*, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954; R. W. Weiman, *Native and foreign elements in a language*, Philadelphia, 1950; U. Weinreich, *Languages in contact*, New York, 1953; E. Windisch, *Theorie der Mischsprachen und Lehnwörter*, «Berichte über die Verhandlungen der Königl. sächsischen Gesellschaft», Phil.-hist. Kl., Bd. 49, Leipzig, 1897.

⁶ Термин «интернационализм» мы употребляем в лингвистическом, а не в логическом смысле (имеются в виду не логические понятия, а основные единицы языка — слова).

лизм». Ниже мы более подробно остановимся на отдельных аспектах рассматриваемого вопроса.

Рассмотрение лексического материала различных языков вскрывает весьма интересное явление: параллельные языковые заимствования весьма часто бывают распространены в различных неродственных и родственных языках, принадлежащих к определенному территориальному ареалу. При этом они общи лишь для этих языков (носители которых обычно близки в экономическом и культурном отношении) и нехарактерны для языков, распространенных в других ареалах. Тесно связанные генетически, эти слова в каждом отдельном языке нередко могут иметь различное звучание, семантику и графику, что весьма существенно подчеркнуть в связи с традиционным пониманием «интернационализма». Такие лексические единицы было бы целесообразно называть регионализмами⁷.

Обратимся к фактическому материалу⁸. В большинстве балканских языков широко распространены слова и словообразовательные морфемы новогреческого и турецкого языков, характерные только для балканских языков. Ср., например, новогреч. *ἀργάτης* «батрак, поденщик», алб. *argat* (*ergat*), болг. *аргат*, серб. *аргати*, рум. *argăt*; новогреч. *δάσκαλος* «учитель», алб. *dhaskál*, болг. *даскал* (для совр. языка устарелое), рум. *dăscăl*; новогреч. *δάφνη* «лавр», алб. *dháfjēn* (*dafinjē*), болг. *дафин*, серб. *дафина*, рум. *dăfin* «лавровое дерево; акация»; новогреч. *δρόμος* «дорога», алб. *drum* (*dhrom*), болг. *дрѹм*, серб. *дрѹм* «большая проезжая дорога, тракт, шоссе», рум. *drum*; новогреч. *καλύβα* «лачуга», алб. *kalivē*, болг. *колиба*, серб. *колиба*, рум. *calibă*, турецк. *kaliba*, *koliba*; новогреч. *κάματος* «усталость; труд», алб. *kamatë*, *gamatë* «проценты с капитала», болг. *камато* «долг», серб. *камато* «проценты», рум. *cămată* «ростовщичество»; новогреч. *κεραμίδα* «черепица», алб. *qeramidhe*, болг. *керамида*, рум. *cărămida* «кирпич», турецк. *k'eremit*; новогреч. *σῖνορος* «граница», алб. *sinuar*, *sinor*, болг. *синоп*, серб. *синоп*, арум. *sinur*, турецк. *sinor*; новогреч. *σταφίδα* «изюм», алб. *stafidhe*, болг. *стафид*, рум. *stafidă*; новогреч. *trandafillo* «роза», алб. *trëndafil*, *trandafil*, болг. *трандафил*, серб. *трандафиле* «штокроза», рум. *trandafir*; новогреч. *ζωγράφος* «художник», алб. *zograj*, болг. *зограф* «перковный живописец», рум. *zugrav* «маляр, художник» (устар.). Ср. из турецкого: турецк. *boja* «цвет», рум. *boia*, алб. *bojë*, серб. *boja*, болг. *боя*; турецк. *dolap* «шкаф», болг. *долан*, серб. *дѹлан*, рум. *dulap*; новогреч. *βουδαλί*, алб. *dollar*; турецк. *budala* «глупец», болг. *будала*; серб. *будала*, новогреч. *μπουντάλας*, алб. *budall*; турецк. *kayık* «лодка», болг. *каик*, серб. *каик* «большая лодка, баркас», рум. *caic*, новогреч. *καΐκι*, алб. *kaijë*; турецк. *mahalle* «квартал», болг. *махала*, серб. *мăхала*, рум. *mahala* «пригород», новогреч. *μαχαλάς*, алб. *mahallë*; турецк. *inat* «упрямство», болг. *инат*, серб. *инат*, рум. *inat*, новогреч. *ἰνάτι*, алб. *inat*

⁷ При этом не имеют значения территориальное расположение того или иного ареала (языки, входящие в один ареал, могут быть распространены в государствах, находящихся в различных частях света, или в государствах, отделенных друг от друга странами, не принадлежащими к данному языковому ареалу) и количество входящих в него языков. Понятие ареала, конечно, не может быть чем-то раз навсегда данным, застывшим; оно изменяется в связи с появлением (или исчезновением) в тех или иных языках общего фонда заимствованных слов в ходе их исторического развития. Включение того или иного языка в какой-либо ареал, по нашему мнению, должно определяться наличием в нем большинства заимствований, общих для других языков, включаемых в данный ареал.

Не следует смешивать термин «интернационализм» с его русским переводом «международное слово». Понятие «интернационализм» шире понятия «международное слово». Так, регионализмы являются международными словами (т. е. общими для языков ряда народов), но не интернациональными (т. е. общими для всех народов).

⁸ В настоящей статье не рассматриваются слова, созданные в результате пуристических тенденций, которые возникают время от времени в ряде языков, так как кальки по своему фонетическому облику и морфологическому составу не совпадают с калькируемым словом.

«раздражение; досада; злоба; возмущение»; турецк. *şoban* «пастух», болг. *чобан*, рум. *cioban*, ново-греч. *τσόβανος*, алб. *ishoban*, ср. еще болг. *турма* «стадо», алб. *turma* «большое количество; толпа; стадо», рум. *turmă* «стадо». В балканских языках распространены и общие словообразовательные элементы (например, суффиксы турецкого происхождения *-dži*, *-lek*; ср. болг. *овчарлок*, *майсторлѣк*, *рибарлѣк*, алб. *maska-rallëk*, *peskadzillëk*, *peskadži* и т. д.). Круг общих заимствованных слов в балканских языках весьма обширен.

Слова, обычно относимые к так называемым «интернационализмам» (типа *политика*, *матч*, *университет* и др.), фактически также являются регионализмами. Здесь собственно мы имеем дело с параллельным проникновением слов из мертвых классических языков (латинского, греческого), а также слов романского, славянского и германского происхождения в языки Европы и американского материка (населенного европейцами) и в некоторые азиатские языки⁹. Следует отметить, что регионализмы, характерные для языков какого-либо одного ареала, могут распространяться в языки, принадлежащие к другим ареалам, как бы наслаиваясь на них. Это характерно обычно для территориально близких ареалов или ареалов, территориально включающих в себя другие ареалы. Такие явления могут также обуславливаться тесными экономическими и политическими контактами различных народов или быть результатом колониального захвата одних народов другими [ср., например, европейские регионализмы в турецком, японском или в некоторых африканских (суахили) и индийских (гуджарати) языках, попавшие в эти языки через английский и французский]. Так, регионализмы типа *электричество*, *индустрия*, *конструкция* и другие (особенно научные термины), а также словообразовательные суффиксы греко-латинского происхождения (например, *-изм*, *-ация* и др.), типичные для «европейско-американского» ареала, могут распространяться на балканские страны, которые территориально являются его частью. Специфически балканские регионализмы не встречаются в других языках «европейско-американского» ареала.

Интересно отметить, что лексический фонд некоторых языков (например, исландского и, за единичными исключениями, китайского) оказался непроницаемым для заимствований, и поэтому такие языки не имеют регионализмов. С другой стороны, в лексическом составе некоторых языков обнаруживается своеобразный конгломерат слов, принадлежащих к нескольким различным ареалам. Ср. в индонезийском: из др.-инд. — *bahasa* «язык», *muka* «лицо», *désa* «деревня», *pustaka* «рукопись»; из арабского — *waktu* «время», *ilmu* «наука», *kamus* «словарь», *kitab* «книга»; из европейских — *politik*, *kommunisme*, *partai*.

Но вернемся к примерам. Арабский язык издавна был носителем арабской культуры среди многих иранских, тюркских, отчасти африканских народов. В настоящее время огромное количество исконно арабских слов распространено в турецком, персидском, афганском, уйгурском, таджикском, узбекском, казахском языках, в меньшей степени в языках урду, хинди, в Африке — в языках банту. Ср. араб. *маслаһат* «интерес (финансовый), польза; департамент», турецк. *maslahat* «дело; вопрос; выгода», перс. *маслāһāt*, афг. *маслаһāt* «совет» (в смысле «указания»), курдск. *масъләт* «беседа, собеседование»; араб. *һаким* «правитель, командующий», турецк. *hâkim* «правитель, судья», перс. *һакем*, уйг. *һаким*; араб. *уакил* «уполномоченный, агент», турецк. *vekîl* «уполномоченный; министр», перс. *вәкил*, афг. *вакйъл*, уйг. *векил*; араб. *истиқлал* «независимость», турецк. *istiklâl*, афг. *истиқлъл*, перс. *эстеғ-лал*; араб. *даира* «круг, окружность», турецк. *daire*, узб. *доира*, тадж. *доира*, уйг. *дайрә*, перс. *дайере*, афг. *доира*; араб. *һукума* «правитель-

⁹ Ср. В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936.

ство», перс. *хокумāt*, турецк. *hükümet*, афг. *хукӯмāt*, тадж. *хукумат*, казах. *үкімет*; араб. *дарра* «атом», афг. *зарра*, перс. *зәрре*; араб. *дунйа* «мир, вселенная», турецк. *dunya*, перс. *донйа*, уйг. *дунйа*, афг. *дунйā*; араб. *сийаса* «политика», турецк. *siyaset* «политика; казнь», перс. *сийасāt*, курд. *сиасет*, уйг. *сиясәт*; араб. *хикайа* «рассказ», турецк. *hikāye*, перс. *hekāyat*, афг. *хикайат*, уйг. *хикайә*; араб. *мактаб* «школа», турецк. *mektep* «учебное заведение», уйг. *мәктәп*, казах. *мектеп* перс. *мактаб*; араб. *китаб* «книга», афг. *китаб*, перс. *китаб*, турецк. *kitap*, казах. *кітап*. Ср. также слова араб. *хайат* «жизнь», *хабар* «известие», *йатан* «родина», *йақт* «время», *аила* «семья» и др., которые заимствованы в турецком, афганском, персидском, узбекском и уйгурском языках. Такие примеры можно было бы во много раз увеличить. Рассматриваемые языки имеют и общие словообразовательные элементы [ср. турецкий агентивный суффикс *-dži* (в языках Средней Азии *сi*): араб.-турецк. *махзанджи* «кладовщик», перс.-турецк. *бостанджи* «огородник» и т. д.].

Китайский язык играл на Дальнем Востоке такую же роль, как латынь в Европе или арабский в Турции, Иране и Средней Азии. Большое количество китайских слов и словообразовательных морфем широко распространено в соседних языках: японском, корейском, вьетнамском, уйгурском и др. Ср. кит. *цзюньдуй* «армия», корейск. *кундэ*, япон. *гунтай*; кит. *дяньци* «электричество», корейск. *чонги*, япон. *дэнки*; кит. *гунчаньжжуи* «коммунизм», корейск. *конгсанчжуй*, япон. *кёсансюги*; кит. *дяньгуа* «телефон», корейск. *чонхва*, япон. *дэнва*; кит. *шицзянь* «время», корейск. *сиган*, япон. *дзиган*; кит. *ду* «яд», корейск. *ток*, япон. *доку*; кит. *цзинишэнь* «дух», корейск. *чонгсин*, япон. *сэйсин*; кит. *мо* «пульс», корейск. *мэк*, япон. *мяку*. Многие китайские словообразовательные суффиксы распространены в японском и корейском языках. Ср. китайский суффикс *-жжуи*, япон. *-сюги*, корейск. *-чуй* (= европ. *-ism*): кит. *дигочжжуи* «империализм», япон. *тэйкокусюги*, корейск. *чэгукчуй*; китайский суффикс *-син*, корейск. *-сён*, япон. *-сэй* (с абстрактным значением) кит. *туаньцзесин* «сплоченность», япон. *данкэцусэй*, корейск. *тангёльсён*; *йонгуньсонь* «героизм».

В свете сказанного становится ясно, что, входя в тот или иной ареал, регионализмы могут быть распространены как в неблизкородственных языках (ср., например, греческий, румынский, албанский или английский, русский, французский), так и в близкородственных (например, английский, немецкий, голландский, шведский или турецкий, узбекский и др.).

3

Как уже отмечалось, так называемые «интернационализмы» обычно считаются фонетическими вариантами того или иного слова в различных языках¹⁰. С этой точкой зрения, однако, никак нельзя согласиться. Если говорить о единстве слова в ряде языков, то оно было бы возможно лишь в том случае, если бы все компоненты звучания того или иного слова несли одинаковую смысловую различительную нагрузку во всех рассматриваемых языках. Иначе говоря, необходима была бы общность или близость фонем и их аллофонов¹¹, а не звуков (в чисто физическом, антропофоническом понимании этого слова), ибо, как известно, одинаковые звуки в разных языках могут являться разными фонемами, и, наоборот, различные звуки могут быть вариантами одной фонемы. Кроме того, акцентное и тоновое строения таких слов должны были бы быть общими. Но возможно ли это?

Если сравнить отдельные языки, то оказывается, что многие фонемы имеют определенную область распространения, выходящую за пределы

¹⁰ Ср. указанные статьи А. А. Белецкого, В. Фрида, О. Б. Шахрай.

¹¹ Отметим, что В. В. Акуленко в своей статье хотя и говорит о «фонологическом» единстве так называемых «интернационализмов», фактически имеет в виду «значительную степень их внешнего сходства, их „произношение“» (см. стр. 96).

данного языка и захватывающую нередко языки самого различного строя. Так, фонема [ts] встречается в немецком, в славянских языках, а также в латышском, венгерском, румынском, новогреческом, албанском, итальянском и др. Фонема [θ] существует в английском, испанском, исландском, албанском, новогреческом, арабском и других языках. Взрывные согласные фонемы (лабиальный, дентальный и гуттуральный) существуют почти во всех языках мира ([p] отсутствует, например, лишь в некоторых языках американских индейцев, [k] — в касимовском диалекте волжских татар)¹². С другой стороны, многие фонемы отсутствуют в ряде языков. Фонема [f], например, отсутствует в финском, эстонском, латышском, армянском, бирманском, монгольском, а в корейском и японском встречается только перед [u]. Фонема [ts] чужда испанскому, английскому, голландскому и скандинавским языкам, фонема [h] — французскому, итальянскому, новогреческому, тамильскому и др.

Приходится, однако, констатировать, что даже при совпадении тех или иных фонем в различных языках мы не можем наблюдать полного совпадения фонематической структуры регионализмов, ибо определенная система фонем, как известно, является неотъемлемой частью строя только данного языка и чужда другим языкам. Отметим также, что одни и те же фонемы противопоставляются в разных языках различным фонемам. Вполне естественно, что фонемный состав слов, произнесенных на каком-либо языке, неодинаково воспринимается носителями других языков, как бы пропускается ими через призму фонемного состава родного языка¹³. Так, [h] и [c] — разные фонемы в немецком, но варианты одной фонемы в японском, [g] и [k] — разные фонемы в большинстве языков, но одна фонема в голландском. Понятно, что, например, японец при заимствовании того или иного слова с [h] (или [c]) может произносить его как с [h], так и с [c], что делает это слово непонятным в других языках. Совпадение фонемной структуры регионализмов в целом и н и м а л ь н о, тогда как несовпадение ее в целом м а к с и м а л ь н о¹⁴. Ср., например, англ. *patient* [peɪnt], франц. *patient* [pas'jɑ̃], русск. *пациент*, швед., дат. *patient* [paɪent], исп. *paciente* [paɪente]. Англ. *psychology* [saɪ'kɒlədʒɪ], *culture* [kʌltʃə] «культура», *pair* [peə] «пара», франц. *métingue* [metiŋ] «митинг». Итал. *cavo* «кабель», «пещера, углубление», португ. *cabo* «кабель; рукоятка (ножа)», фин. *kaapeli* «кабель» вряд ли можно «узнать» в языках, где в состав тех же слов входит ряд других фонем (например, в русском, албанском, немецком). В различных языках дальневосточного ареала (китайском, японском, корейском) регионализмы обнаруживают значительные фонематические расхождения и в большинстве случаев совершенно «неузнаваемы».

Интересны факты адаптации регионализмов в языках различных семей. В ряде языков происходит субституция или эллипсис определенных фонем; характерны также «вставка» эпентетических или протетических гласных между согласными фонемами в заимствованных словах или

¹² Очевидно, мы имеем здесь дело с параллельным, независимым развитием фонем. Ср. N. S. T r o u b e t z k o y, *Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfsprache beschaffen sein*, TCLP, 8, 1939; R. J a k o b s o n, *Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues*, «Actes du 4-me Congrès de linguistes», Copenhague, 1938; e r o ж e, *Über die phonologische Sprachbünde*, TCLP, 4, 1931.

¹³ Это особенно характерно для языков, принадлежащих к разным языковым семьям, или для случаев, когда слово уже давно заимствовано языком и подверглось всем фонемным изменениям, происшедшим в данном языке.

¹⁴ В ряде случаев по иностранному звучанию того или иного слова можно лишь догадываться о соответствующем слове в родном языке. Даже в тех случаях, где внешняя «узнаваемость» наблюдается, она носит весьма условный характер ввиду наличия в этих словах в большей или меньшей степени специфических звуков, акцентуаций. Степень «узнаваемости» того или иного слова неодинакова для разных языков и зависит от степени близости их фонемного состава. Таким образом, внешнее акустическое сходство слов не может служить о б щ и м критерием их «узнаваемости» в различных языках.

изменение фонем в результате гармонии гласных¹⁵ (ср. турецк. *istasyon* < франц. *station*; турецк. *budala* < ново-греч. *μουνάλας*; турецк. *çoban*, рум. *cioban*, ново-греч. *τσάπας*). В различных языках существуют различные возможности сочетания фонем в словах. В финском языке, например, как и в корейском, японском, монгольском и тюркских языках, невозможно сочетание согласных в начале слова (ср. фин. *ropakanta* < *propaganda*). В японском языке в силу закона открытых слогов сочетание двух согласных невозможно, вследствие чего при заимствовании между этими согласными «вставляются» гласные *i* или *o* (после *t*, *d*). Плавный [l] в японском отсутствует (в китайском, наоборот, отсутствует [r] при наличии [l]) и в иностранных словах воспринимается как [r]; [f] воспринимается как [h], [v] как [b], [ʃ] как [z] и т. д. Ср. *huirumi* (из англ. *film*), *kurabu* (из англ. *club*), *hohi* (из голл. *koffie*), *dorama* (из англ. *drama*), *shipitaru* (из англ. *hospital*). В английском языке невозможны сочетания [kn, nr] в начале слова и фонема [h] в конце слова. Весьма своеобразно передаются европейские слова и в китайском языке [ср. *цзуйлэбу* (из англ. *club*), *суэйай* (из русск. *совет*), *айдимэйдунь* (из англ. *ultimatum*)].

В некоторых языках заимствованное слово в единственном числе может быть «узнаваемо», но множественное число, образованное по языковым моделям данного языка, делает его совершенно «неузнаваемым». Ср. араб. *фил'м*, мн. число *афлам* (по модели *джиср* «мост») ¹⁶.

4

Перейдем к рассмотрению семантической стороны регионализмов. В большинстве языков, входящих в тотилиний ареал, семантика регионализмов отличается большой пестротой. Укажем лишь некоторые примеры. Ср. араб. *тайфа* «класс, разряд, серия; религиозная община», турецк. *taufa* «экипаж (судна)», «матрос»; араб. *хайл* «лошади, конница; толпа», афг. *хил* «племя, семья», тадж. *хел* «род, тип, сорт», туркм. *хил* «сорт, вид; качество, свойство»; араб. *маслахат* «интерес (финансовый); польза», турецк. *maslahat* «дело, вопрос», афг. *маслахат* «совет», курд. *мэсьлахэт* «беседа, собеседование». Ново-греч. *хэματος* «труд», алб. *katatë, gatatë* «проценты с капитала», болг. *камато* «долг», рум. *cămată* «ростовщичество»; ново-греч. *херамѝда* «черепица», рум. *saramidă* «кирпич»; турецк. *mahalle* «квартал», рум. *mahala* «пригород», турецк. *inat* «упрямство», алб. *inat* «раздражение; досада; злоба; возмущение». Итал. *fortuna*, франц., англ. *fortune* «судьба», но турецк. *fortuna*, араб. *фуртуна*, серб. *фортуна* «шторм»; англ. *identity* означает не только «идентичность», как в русском или немецком, но и «личность, индивидуальность, подлинность»; франц. *facteur* означает не только «фактор», но и «почтальон»; англ. *deputy* — не только «депутат», но и «заместитель», а в терминологии горной промышленности — «крепильщик»; швед., англ. *radiogram* означает не только «радиограмма», но и «рентгеновский снимок»; чеш. *akademik* — не только «академик», но и «студент»; англ., франц. *médecine* не только «медицина», но и «лекарство»; англ. *sum* означает не только «сумма», но и «задача». Ср. еще швед., дат. *konkurs* «банкротство», исп. *concurso*, франц. *concours* «содействие, помощь; стечение (народа, обстоятельств); конкурс», англ. *concourse* «толпа; площадь, где сходятся несколько улиц

¹⁵ См. Е. G amillscheg, Über Lautsubstitution, «Zeitschr. für rom. Philologie», Beiheft 27, 1911; Е. Polivanov, La perception des sons d'une langue étrangère, TCLP, 4, 1931; Н. Frei, Monosyllabisme et polysyllabisme dans les emprunts linguistiques, «Bull. de la Maison Franco-japonaise», vol. VIII, 1936; А. F ischer, Die Vokalharmonie der Endungen in den Fremdwörtern des Türkischen, Leipzig, 1920.

¹⁶ О структурных изменениях заимствований в арабском языке см.: А. S p i t a l e r, Materialien zur Erklärung von Fremdwörtern in Arabischen durch retrograde Ableitung, сб. «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer», Wiesbaden, 1955.

или аллея парка; центральный зал вокзала», серб. *конкурс* «соглашение кредиторов для получения долгов с банкрота; конкурс», русск. *конкурс*, нем. *Konkurs*, чеш. *konkurs*; швед., норв. *avanzo* «выгода, прибыль», итал. *avanzo* «выигрыш; остаток», ср. голл. *avance*, польск. *awans* «аванс»; исп. *parado* «остановка; пауза (муз.); перекладные лошади; парад» (ср. англ., франц. *parade* «парад», нем. *Parade* «парад»); швед. *sekret(et)* «печатать», ср. русск. *секрет*, англ., франц. *secret* «секрет» и т. д.; швед. *syjett* «театральный артист» (ср. русск. *сюжет*, франц. *sujet*, англ. *subject* «сюжет»); исп. *subsidio* «налог, обложение; субсидия», франц. *subsidi* «налог, обложение; субсидия» (ср. англ. *subsidy*, рум. *subsidiu* «денежное пособие, субсидия»); чеш., швед. *sublimat* «сулема» (двухлористая ртуть), ср. русск. *сублимат* (продукт сублимации, возгон); исп. *resulta* «вакантная должность» (ср. русск. *результат*, франц. *résultat* и т. д.); дат. *karakter* «балл, отметка»; ново-греч. *σχήμα* «военное приветствие; жест; формат; форма, фигура»; рум. *comras* «циркуль»; исп. *comras* «циркуль, музык. такт; размер, мера; компас». Следует заметить, что вряд ли можно вместе с В. В. Акуленко говорить об общности таких слов, т. е., по нашей терминологии, признать регионализмами слова, имеющие в разных языках как сходные, так и несходные значения¹⁷. Носитель другого языка, которому известны (или, наоборот, неизвестны) другие значения данного слова, может понять его неправильно.

Необходимо, наконец, указать на неодинаковые возможности стилистического употребления и фразеологической сочетаемости регионализмов в различных языках.

Остановимся кратко на графической стороне регионализмов. Прежде всего следует заметить, что языки, имеющие в своем лексическом составе регионализмы, нередко пользуются разными системами письма {ср., например: 1) албанский, румынский, греческий, болгарский; 2) китайский¹⁸, вьетнамский, уйгурский, тибетский, корейский, бирманский, монгольский}. С другой стороны, языки, входящие в разные ареалы, могут иметь одинаковую систему письма (например, латинское письмо используется не только в европейских языках, но и во вьетнамском, индонезийском, турецком, гавайском, в некоторых славянских языках; славянское письмо используется не только в ряде славянских языков, но и в некоторых языках Средней Азии, а также в монгольском и т. д.).

В языках с одинаковой системой письма (ареалов, в которые входили бы только такие языки, вообще не существует) возможности сближения регионализмов по графическому принципу значительно ограничиваются, во-первых, теми особыми исторически обусловленными фонетическими преобразованиями, которые характерны для различных языков и не могли не сказаться на их графике (ср., например, итал. *atto* «акт», *patto* «пакт», *fatto* «факт», *paio* «пара»), во-вторых, тем, что одни и те же звуки в отдельных языках имеют неодинаковое буквенное выражение¹⁹.

Подведем некоторые итоги. В ряде языков (как близко-, так и неблизкородственных) можно обнаружить общий лексический фонд заимствованных слов, которые прослеживаются лишь в языках, территориально расположенных в том или ином ареале, и не типичны для языков, принадлежащих к другим ареалам (регионализмы)²⁰. Фонемный, семантический и графический облик этих слов обнаруживает значительные расхождения, в связи с чем графический, фонологический и семантический аспекты не могут служить надежным критерием при определении регионализмов.

¹⁷ Именно такие слова обычно оказываются «ложными друзьями» переводчика.

¹⁸ В настоящее время в Китае, как известно, осуществляется переход на новую латинизированную систему письма.

¹⁹ Ср. G. Grönwald, *Bemerkungen zu einer vergleichenden Betrachtung von Sprechen und Schreiben*, «Phonetica», vol. 1, № 4, Basel — New York, 1957.

²⁰ При этом, конечно, не имеет значения, какие понятия (международные, бытовые и т. д.) выражаются регионализмами.